

УДК 821.113.6.09«20»+398.221(=113.6)

МИФОЛОГИЧЕСКИЕ МОТИВЫ В РОМАНЕ ЮХАНА ТЕОРИНА «НОЧНОЙ ШТОРМ»

Н. Г. ШПАКОВСКАЯ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Анализируется репрезентация скандинавских мифологем в произведении современного шведского писателя Юхана Теорина. Указано, что исследование базируется на проведенной ранее работе с текстами сборников «Старшая Эдда» и «Младшая Эдда», которые являются основными источниками древнескандинавских мифов. Рассматриваются мифологемы жертвы, тайнописи, возвращения и двойника, которые превращаются из суггестивного приема в определяющий компонент сюжета. Обосновывается утверждение о том, что мифологическая составляющая соединяется в произведении с христианскими представлениями, а также суевериями.

Ключевые слова: скандинавская мифология; шведская литература; мифологема; «Старшая Эдда»; «Младшая Эдда».

MYTHOLOGICAL MOTIVES IN JOHAN THEORIN'S NOVEL «NIGHT STORM»

N. G. SHPAKOUSKAYA^a

^aBelarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus

The representation of Scandinavian mythologems in the novel «Night storm» by the contemporary Swedish writer Johan Theorin is analysed in this article. The analysis is based on the previous work with the core sources of Scandinavian myths «The Poetic Edda» and «The Prose Edda». A mythologem of sacrifice, a mythologem of secret signs, a mythologem of coming back and a mythologem of a double are examined in the article. As a result of the analysis the author comes to a conclusion that on the one hand, Johan Theorin uses the mythologems in order to create a specific dismal atmosphere that turns from the background to a dominating component of the storyline, and on the other hand, that the mythological dimension in the novel is highly connected to the Christian tradition and superstitious beliefs.

Key words: Scandinavian mythology; Swedish literature; mythologem; «The Poetic Edda»; «The Prose Edda».

Введение

Вопрос репрезентации мотивов и образов скандинавской мифологии в современной шведской литературе остается недостаточно изученным как в Беларуси, так и в других странах постсоветского пространства. В рамках данной статьи предпринята попытка анализа произведения современного шведского писателя Юхана Теорина «Ночной шторм» с точки зрения интерпретации в ней мифологем, характерных для древнескандинавских текстов – сборников «Младшая Эдда» и «Старшая Эдда».

Образец цитирования:

Шпаковская Н. Г. Мифологические мотивы в романе Юхана Теорина «Ночной шторм» // Часоп. Беларус. дзярж. ун-та. Філалогія. 2017. № 2. С. 34–38.

For citation:

Shpakouskaya N. G. Mythological motives in Johan Theorin's novel «Night storm». *J. Belarus. State Univ. Philol.* 2017. No. 2. P. 34–38 (in Russ.).

Автор:

Нина Геннадьевна Шпаковская – старший преподаватель кафедры германских языков факультета международных отношений.

Author:

Nina Shpakouskaya, senior lecturer at the department of Germanic languages, faculty of international relations.
sagatiden@gmail.com

Проведенное исследование помогает лучше понять авторский замысел и проследить трансформацию мифологических образов в современной литературе Швеции. Цель статьи – определить, как скандинавские мифологемы интерпретируются в контексте современного художественного произведения.

Основная часть

Действие романа Ю. Теорина «Ночной шторм» разворачивается на шведском острове Эланд, который по окончании летнего сезона превращается в довольно унылый, пустынный, отдаленный от цивилизации уголок, пронизываемый морскими ветрами и терзаемый скитающимися ворами.

В основе сюжета лежит смерть молодой женщины, однако детективная составляющая не выходит в произведении на первый план. Как таковое расследование не описывается, в центре внимания повествователя оказывается образ старой усадьбы с двумя зловещими маяками, в которой произошло убийство. Эта усадьба видела последние минуты многих своих жильцов и стала местом, где собираются те, кто давно канул в Лету. Писатель показал себя мастером суггестивных приемов: приехавшие с большой земли грабители советуются о своих делах с душой Алистера Кроули (разговор с чернокнижником налаживается посредством специальной доски для спиритических сеансов), любимой игрушкой дочери погибшей женщины становится минотавроподобный гибрид – человек с головой овцы с острова Готланд. Для создания особой, угрожающей атмосферы Ю. Теорин использует не только описания меланхолических ландшафтов острова, но и включения в текст старинных поверий, а в отсылках к потусторонней реальности можно найти отголоски древнего мифологического мироощущения.

Старая усадьба, очень давно построенная из древесины, оказавшейся у берега острова вместе с затонувшим кораблем, ее перевозившим, находится в северной части Эланда, у самого моря, и на несколько километров удалена от центра. За хозяевами усадьбы закреплены два маяка, северный и южный. Последний рассеивает темноту неярким розовым светом. Северный маяк неисправен. Он стоит мертвый и темный, а загорается лишь тогда, когда знаменует приближение чьей-то смерти.

Север в представлении древних скандинавов был страной Нифльхейма – царством мертвых. Правительница подземного мира Хель имела ужасающий дом «с дверями на север» [1, с. 150]. Дом карликов также находился на севере. Страна великанов, представляющих собой изначальный хаос и постоянную угрозу для упорядоченного мира богов-асов, была расположена севернее Асгарда. Концепт севера раскрывается в мифе об образовании мира: фактически начальный этап мироздания представляет собой соединение льда и пламени, где лед, холод, север прочно связаны с Мировой Бездной, вакуумом. В проекции север – юг первый всегда воспринимался как смертельная опасность.

Когда речь в романе Ю. Теорина заходит о находящемся на территории острова болоте, которое раньше было местом жертвоприношения, атмосфера становится еще более зловещей. В незапамятные времена там приносились жертвы древним богам: вещи, лошади и люди. Мрачная история болота тяготеет над местностью и дает о себе знать в самое темное время года – зимой. Особенно опасна эта местность для путников, которых застигла в дороге метель: сбившись с пути, они становятся легкой добычей теней прошлого.

Так описывает свой опыт встречи с потусторонним миром одна из героинь: *Мертвые вышли из болота <...> много, они цапали меня, рвали и тянули <...> они были холодные, такие холодные. Они хотели получить мое тепло*¹ [2, с. 239].

Мотив жертвы выходит за географические рамки болота и принимает форму разветвленной метафоры. Изначально необъяснимая смерть главной героини Катрин, сорвавшейся в море, приобретает символическое значение жертвоприношения ради восстановления правды. Женщина погибает, потому что догадалась о причине смерти другого человека – сестры своего мужа Этель, наркоманки, жившей в одном из дорогих пригородов Стокгольма и докучавшей своим родственникам и их соседям. Все вздохнули с облегчением, когда она наконец исчезла. Однако где-то в глубине души Катрин и ее муж Юакиму не давал покоя вопрос о том, погибла Этель сама или ее кто-то убил. Когда Катрин поняла, что второй вариант ближе к истине, она сама стала жертвой того же убийцы.

В отличие от христианской традиции, где жертва рассматривается как искупление, в мифологии древних скандинавов приношение предполагало обретение чего-то взамен. Богам приносили жертву, чтобы получить хороший урожай или атаковать соперника. Главный бог Один принес в жертву самого себя, чтобы обрести тайное знание в виде рун.

Жертва Катрин неоднозначна. В определенные моменты она воспринимается как расплата за бездействие и желание, чтобы Этель исчезла. Однако это не искупление вины, не преднамеренное приношение ради истины и правосудия, а жертва ради успокоения Этель и завершения ее истории.

¹ Здесь и далее перевод наш. – Н. Ш.

Согласно М. Элиаде акт жертвоприношения в восприятии архаичных людей прерывал ход мирского времени, возвращая их в мифологическое время творения мира, которому предшествовал изначальный хаос. Жертвоприношение было неотъемлемой частью основных торжеств, связанных с соллярно-лунным календарем, в том числе частью празднования середины зимы – Йоля. Это торжество описал исландский политик и скальд XII в. С. Стурлусон в сборнике саг «Круг земной» [3, s. 130]. В «Саге об Инглингах» [3, s. 36] говорится о конунге Домальди, которого решили принести в жертву, чтобы получить хороший урожай. Основываясь на трудах О. М. Фрейденберг [4, с. 26], можно предположить, что речь здесь идет не об историческом конунге, а об уже интерпретированной С. Стурлусоном мифологеме отца-гения-жреца, выполняющего загробные функции. Ритуал жертвоприношения у древних скандинавов описал в своей хронике XI в. и А. Бременский [5, с. 34]. Исследователь М. Элиаде видел прямую связь между празднованием середины зимы и культом мертвых: «Бесконечное повторение космогонического акта превращает каждое празднование Нового года в открытие новой эры, позволяет мертвым возвращаться к жизни» [6, с. 56]. Бытующее в Швеции поверье о возвращении умерших предков в рождественскую ночь становится лейтмотивом романа Ю. Теорина, однако здесь языческая основа соединяется с христианской традицией.

Главный герой романа «Ночной шторм» Юаким находит в одной из пристроек в своей усадьбе потайную комнату, имитирующую небольшую часовню. На церковных скамьях он видит вещи, оставленные для тех, кто, согласно легенде, возвращается на Рождество. Там он кладет подарок для своей покойной жены Катрин и надеется встретить ее саму. В ночь Йоля Юаким приходит сюда, в это тайное место, отгороженное от всего мира стеной, в комнату, в которую нет двери, и ему кажется, что он может видеть Катрин и говорить с ней. В рядах скамей он чувствует присутствие тех, кто больше не живет.

В романе Ю. Теорина мифологема возвращения приобретает форму суеверия. Мертвые возвращаются, но остаются мертвыми. Речь не идет о втором рождении, характерном для мировосприятия, отраженного в текстах «Старшей Эдды» и «Младшей Эдды», где герои, хотя и с другими именами, появлялись на свет заново. Речь, скорее, о памяти, индивидуальной и коллективной. Главного героя волнует вопрос о том, будут ли его маленькие дети помнить свою мать, для него важно сохранить ее образ. В то же время о многих умерших уже некому вспоминать, они полностью ушли в небытие, и их след хранит лишь земля.

Один из старожилов острова говорит: *Умершие стали нашими соседями всюду здесь на острове, с этим можно только смириться. Вся земля полна старыми могилами <...> коридорные гробницы каменного века, могилы с валунами бронзового века, каменные ящики железного века и захоронения викингов* [2, s. 227].

Прошлое то и дело возвращается к Юакиму в лице его погибших сестры и жены. Темный дух прежних времен окружает жертвенное болото, в котором оставляли то, что было дорого, чтобы умили-вить богов. Шепот умерших слышен в усадьбе, где для них сделана тайная часовня. Прошлое, принявшее форму суеверий, передается из уст в уста и в виде преступлений желает получить развязку. Прошлое и настоящее переплетены в романе, что отсылает нас к мифологическому восприятию времени. Несмотря на значительную роль прошлого, оно остается в романе прошлым. Временная прямая не делает витков, характерных для песен «Старшей Эдды». Более того, своего рода моралью произведения становится мысль о том, что прошлое должно остаться на своем месте. В настоящем хранится лишь светлая память.

Образ Катрин связан также с мифологемой двойника, представленной в древнескандинавском мировосприятии в двух плоскостях. Во-первых, речь идет о способности некоторых людей и богов принимать облик животных и птиц: в то время как они парили в небесах в виде орла или рыскали по лесу в виде волка, их тела пребывали без движения. Представители фауны воспринимались как люди. Во-вторых, в древние времена народ верил в так называемых фюльгий, женских духов-хранительниц, которые могли предупредить своего хозяина об опасности, но встреча с ними означала приближение смерти.

В «Песне о Хельги, сыне Хьёрварда» в «Старшей Эдде» рассказывается о том, как *ехал Хедин домой из леса в вечер под Йоль и встретил женщину-тролля. Она ехала на волке, и змеи были у нее удилами* [7, с. 257]. По вине этой женщины Хедин дал обет жениться на возлюбленной своего брата Хельги, который, узнав о случившемся, подумал, что *его духи-двойники посетили Хедина, когда тот встретил женщину верхом на волке* [7, с. 258]. Это было предзнаменованием скорой гибели Хельги.

Выше уже указывалось значение вечера накануне Йоля в древнескандинавской традиции. Это была опасная ночь, когда границы между реальным и потусторонним, живыми и мертвыми стирались. На волке обычно путешествовали великанши и чародейки, но Хельги интерпретирует увиденное его братом как дурной для себя знак и оказывается прав.

Сюжет романа «Ночной шторм» закручивается вокруг смерти женщины, приехавшей из Стокгольма в провинциальную глушь в поисках спокойствия, но покой не приходит к ней даже после смерти. В день, когда тело новой жительницы Эланда Катрин было найдено в воде у берега, ее муж Юаким Вестин собирал последние вещи в их старом доме в Стокгольме, в 400 километрах от острова. В десять минут пятого, когда женщина уже была мертва, он стоял в подвале и внезапно услышал, как на верхнем этаже открылась входная дверь и раздался обеспокоенный голос Катрин, которая звала мужа.

Юаким очень тяжело переживал потерю жены. Он не хотел с ней прощаться и верить в то, что Катрин ушла навсегда. Он раскладывает ее вещи в спальне, чтобы чувствовать ее присутствие, и ничего не говорит детям. Атмосфера становится еще более напряженной, когда старшая дочка Ливия начала видеть свою маму во сне. Ливия становится своеобразным проводником информации из одного мира в другой. Она воспринимает сны как реальность и однажды уверенно заявляет, что мама придет на Рождество.

Желание ребенка снова увидеть маму, тем более на самый значимый праздник в году, вполне объяснимо. И Катрин приходит – чтобы защитить детей от пробравшихся в усадьбу грабителей. Тем не менее в тексте остается неясным, происходило это в реальности или во сне.

В контексте произведения Катрин становится своего рода ангелом-хранителем, оберегающим детей от опасности. Невозможно сказать однозначно, какую основу имеет этот образ – языческую или христианскую, возможно, в нем переплетены обе традиции.

Ливия – приемная дочь в семье. Ее родная мать, сестра Юакима, страдающая наркотической зависимостью, не смогла заботиться о ней, и эту обязанность взяла на себя Катрин, не отказавшаяся от дочери и после своей смерти.

В книге Ю. Теорина также можно отметить мифологему тайнописи. Если в древнескандинавских текстах ее содержание раскрывали преимущественно рунические символы, то в романе как тайнопись можно истолковать перечень имен, нацарапанных на стене чердака в сарае, за которой находится тайная комната-часовня. Эти имена вырезаны здесь как знак памяти об умерших. Как за руническими знаками кроется неведомое непосвященным содержание, так и за каждым из имен стоит чья-то жизнь. Усадьба не сохранила их историй, но вырезанные имена не дали им полностью исчезнуть. Строчки «Старшей Эдды», в которых перечисляются непонятные имена, также не могут пролить свет на тех, кто ими когда-то обладал, но благодаря этим именам мы знаем о существовании их носителей.

Мотив памяти становится преобладающим в контексте данной мифологемы. Юаким аккуратно выводит гвоздем имя своей жены на нижней доске стены и чувствует облегчение, когда осознает, что таким образом сохраняет память о ней.

Стена с написанными на ней именами становится своеобразным алтарем, к которому приходят, чтобы посидеть в раздумьях, попросить о помощи и оставить жертву: *Юаким посмотрел на стену и имена, что были на ней вырезаны. Перед тем как начать читать их, он снова услышал пронзительный писк и остановился. Он посмотрел вниз на пол. Сначала слышался писк, потом мяукающий Распутин. Кот сидел и тщательно облизывал лапки. Затем он посмотрел вверх на посетителя, и Юаким встретил его взгляд, подумав, что кот фактически выглядел довольным. <...> Перед ним лежали с десятков узких тушек с коричневым мехом... Распутин разложил истекающих кровью крыс в ряд под стеной. Это было похоже на жертвоприношение* [2, с. 269].

Основное повествование в романе чередуется с главами из книги Мирьи – матери Катрин, – в которых речь шла про Эланд, усадьбу и людей, чьи имена она видела на стене чердака. Каждая небольшая глава – это история смерти. Однако правду и вымысел в этих рассказах не может отличить никто, но это не столь важно, ведь прошлое обрело новую жизнь в ее книге.

Заключение

Таким образом, на основе анализа романа Ю. Теорина «Ночной шторм» можно сделать следующие выводы. В произведении мифологема возвращения соединяется с мифологемой двойника. Первый концепт прочно связан с поверьем о возвращении умерших в рождественскую ночь, которое, в свою очередь, берет начало в мифологическом восприятии праздника Йоля. Умершая жена главного героя возвращается словно фюльгья – хранительница – и защищает детей от опасности.

Однако мифологема возвращения не нарушает ход времени в романе. Прошлое, несмотря на то, что его шепот слышен по всему острову, должно остаться в прошлом. В настоящем ему есть место только в памяти живущих. Воспоминания не позволяют ушедшим исчезнуть без следа, сохраняя их истории или хотя бы имена, которые приобретают в романе смысл тайных знаков, вместилища судеб, спрятанных за вырезанными в стене символами. Это знание священно, без него история может оказаться незавершенной, будь то история Этель, окончание которой повлекло принесение в жертву Катрин, или

истории других персонажей книги. Боль, вызываемая памятью, является нашей жертвой на алтарь прошлого. И возможно, за нее мы получим воздаяние.

Роман Ю. Теорина можно воспринимать как шведский вариант традиции магического реализма. Основываясь на содержании древнейших мифологем и их христианской интерпретации, писатель смог создать литературное произведение, в котором переплетение повседневного и фантастического настолько гармонично, что читатель сам выбирает, какая реальность ему более близка.

Библиографические ссылки

1. Младшая Эдда. М., 1994.
2. *Theorin J. Nattfåk*. Stockholm, 2009.
3. *Sturluson S. Nordiska kungasagor*. Stockholm, 1996.
4. *Фрейдсберг О. М.* Миф и литература древности. М., 1998.
5. *Allan T. Vikingar. Myter, kultur och långfärder*. Stockholm, 2002.
6. *Элиаде М.* Миф о вечном возвращении. СПб., 1998.
7. Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах. М., 1975.

References

1. [The Prose Edda]. Moscow, 1994 (in Russ.).
2. Theorin J. [Night Storm]. Stockholm, 2009 (in Swed.).
3. Sturluson S. [Norse kings' sagas]. Stockholm, 1996 (in Swed.).
4. Freidenberg O. M. [Myth and ancient literature]. Moscow, 1998 (in Russ.).
5. Allan T. [The vikings. Myths, culture and long distance voyages]. Stockholm, 2002 (in Swed.).
6. Eliade M. [Myth about the eternal return]. Saint Petersburg, 1998 (in Russ.).
7. [Beowulf. Poetic Edda. The Song of the Nibelungs]. Moscow, 1975 (in Russ.).

*Статья поступила в редколлегию 11.04.2017.
Received by editorial board 11.04.2017.*